

ТРУД, ТВОРЧЕСТВО И СПОНТАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. В. Броницкая, кандидат экономических наук

Глобализация как многоаспектное явление, сочетающее в себе объективные и субъективные характеристики, влияет на изменения социально-трудовых отношений. При этом проявление различных тенденций, их концентрация, степень распространения зависят существенно образом от степени субъектности страны в глобальном процессе. Формирование постиндустриального общества – явление противоречивое и неоднозначное, тенденции гуманизации в нем сочетаются с контртенденциями, которые зачастую преобладают, что проявляется в противоречиях социально-трудовой сферы.

Современными аспектами глобализации в социально-трудовой сфере, изменением содержания труда, творчества, их превращенными формами на постсоветском пространстве занимаются Б. Генкин, Е. Гришнова, Р. Колосова, М. Ким, А. Колот, Т. Костышина, М. Семенихина, Д. Богиня А. Бузгалин, Ю. Осипов, А. Субетто, К. Петров, В. Кутырев и др. Связь социально-трудовых отношений и духовного производства исследована в монографии российских ученых «Диалектика материального и духовного производства в экономике знаний» [1]. Связь социальной стратификации и социально-трудовых отношений, прежде всего на постсоветском пространстве, исследована в монографии М. Кима и А. Кима [2].

При всей системности и многообразии существующих исследований, в силу динамичности глобальных изменений обнаруживаются дополнительные, ранее не исследованные процессы. Многие превращенные формы для своего обнаружения требуют системного анализа.

Цель статьи – определить основные тенденции изменений социально-трудовой сферы

в условиях глобализации, уточнить базовые понятия.

Одной из общих тенденций, определяемой постиндустриальным вектором движения, выступает индивидуализация труда, что в первую очередь происходит в странах постиндустриального ядра и обусловлено развитием информационных технологий, субъект-субъектных отношений и сетевыми структурами. Осуществляется эта тенденция, как в свободных, так и в превращенных формах, выступая в зависимости от этого как явление гуманизации труда или его дегуманизации.

Унификация труда, которая не только имеет место, но и усиливается, прежде всего, на периферии глобальных процессов, наряду со стандартизацией и унификацией образования, связана с фактическим демонтажем влияния национальных государств, и переходом экономической власти к наднациональным структурам. Унификация производства при разрушении национальной культуры усиливает проблемы отчуждения в труде.

Амбивалентный характер имеет и распространение сетевых структур и информатизация труда. Индивидуализация труда была подготовлена определенным уровнем научно-технического прогресса. Получила она достаточное распространение в силу разных причин, в том числе в силу растущего числа интеллектуалов. Безусловным ее плюсом является возможность проявить в совокупности свои индивидуальные способности (особенно если учесть, что индивидуализация, прежде чем проявиться в профессиональной деятельности, проявляется в системе образования). Совокупность позитивных тенденций, отмечаемых исследователями постиндустриального общества: гибкий график работы, гибкий заработок, возможность минимизировать

работу в офисе, надомная работа, общение преимущественно происходящее в системе on-line, дополнительные премии, система социальных гарантий, возможность обучения и профессионального роста имеют место, но в различной степени, в зависимости от социального статуса, и места страны в глобальном процессе. Деунификация производства и профессиональной деятельности, зачастую сопряжена с нарушением целостной идентичности и выхолащиванием единых критериев истинности, среди которых очень важные – социальная значимость и социальная полезность. Невозможно говорить, что гуманистическая социализация имеет место, если интеллектual подчиняет свою деятельность транснациональной корпорации, действуя по ее заказу, предоставляя ей право распоряжаться результатами своей деятельности. В такой ситуации возникает негативный момент: подлинно научная деятельность интеллектuala, которая могла бы пополнить копилку общественного знания, но результаты этой деятельности не приносят соответствующую пользу обществу, а лишь служат для обогащения небольшого числа людей. Данная ситуация формирует эффект мультипликатора, с помощью которого процветает корпоративный капитал. Еще один момент связан с постмодернистскими практиками, способности интеллектuala направлены не на создание продуктов духовного производства, а на создание нефальсифицируемого манипулятивного знания, знания, «обращенного уже не к природе, а к нашей изменчивой манипулятивной чувственности» [3, с. 310]. А. Панарин пишет: «сегодня утверждают, что около 60 % цены товара приходится на интеллектуальную ренту. Но следует уточнить: речь идет, в основном, о паразитарной ренте. В основе ее лежит не прежний прометеевский тип интеллекта, бесстрашно спустившегося в подземный мир материи и выведавшего ее новые тайны; нет, перед нами декадентский ум, чуждый подвигам прежнего титанизма и предпочитающий играть на человеческих прихотях и слабостях» [4, с. 310].

Труд всегда был важнейшим средством социализации и обретения идентичности, при этом его направленность и смысл зачастую

были более значимы, чем такие характеристики, как простой и сложный, умственный или физический, регламентированный или творческий. Само понятие индивидуализации исключает возможность регламентированного труда, однако нерегламентированный труд еще не означает деятельность в свободных формах духовного производства.

Индивидуализация отнюдь не означает невозможности гуманной социализации, но для такой социализации необходима и вся институциональная матрица.

«Важной частью всех институциональных матриц хозяйства являются отношения в процессе труда. Они формируют один из важнейших пучков связей, соединяющих людей в народ. Труд был одним из важнейших символов, определяющих советское общество. Для нашего народа он представлял деятельность, исполненную высокого духовно-нравственного (литургического) смысла, воплощением идеи общего дела. Латинское выражение «*Laborare est*» («трудиться значит молиться») в течение длительного времени имело для советских людей глубокий смысл» [5, с. 578].

Разрушение ряда смыслообразующих и системообразующих механизмов после распада Советского Союза деформации и демонтаж многих аспектов социально-трудовых отношений во многом лишили труд высокого смысла, а по словам Карла Ясперса, «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим» [6, с. 270]. Индивидуализация производства и всех сфер социального бытия является и условием, и средой формирования целостных субъектов духовного производства и культуры, но при наличии социального вектора развития.

Экспансия творчества, о которой пишут исследователи постиндустриального общества, например В. Иноземцев [7], сочетается с еще большей экспансией его превращенных форм.

Спонтанная деятельность является превращенной формой творчества. Эта деятельность активно развивается в условиях современного глобализма и выступает порождением превращенных форм духовного производства и их воспроизводящим элементом. Считаем необходимым в научный анализ ввести это понятие.

Отличие творчества от труда репродуктивного в том, что если во втором случае деятельность алгоритмизируется тотально, то творчество может осуществляться с нарушениями алгоритма, может протекать по вновь созданному, самостоятельно разработанному плану, с отступлением от него, с возможностью уходить от алгоритма в любой точке с тем, чтобы создать более подходящий. Непредсказуемость и спонтанность являются нормальными элементами творчества. Однако говорить о творчестве как об абсолютно неалгоритмизированной, не планируемой деятельности все же нельзя. Скорее соотношение творчества и репродуктивной деятельности можно рассматривать как извне заданный алгоритм деятельности и самостоятельно установленный (различной степени регламентации и жесткости). Если бы целесообразная деятельность осуществлялась без какого-либо планирования, трудно было бы понять, почему Леонардо Да Винчи рисовал Джоконду в течение восьми лет. В творчестве сначала возникает неясный образ (схема, идея) того, что будет, а затем предпринимаются шаги для реализации задуманного. Деятельность и ее промежуточные результаты сопоставляются с этим идеальным. Конечно, возникают ситуации, при которых итог является иным, чем планировалось. Естественно, история творчества знает примеры, когда произведение создавалось на одном дыхании, но это все равно не делает творчество спонтанной деятельностью нового качества, которая, как превращенная форма творчества, характеризуется отсутствием целесообразности, регламентирующей содержание деятельности. Для осуществления ее необходимы субъекты, которые могли бы убедить окружающих, что содержимое мусорного ведра на самом деле гениальная инсталляция, что звуки разбивающейся посуды на самом деле концептуальная музыка, а хаотичное сочетание пятен краски на полотне, образовавшиеся в результате метания тюбиков в холст – проявление космического видения. Для создания «выгодного» элите человека в масштабах общества поощряется сознательно самая пошлая, примитивная антисоциальная деятельность и, соответственно, самые примитивные продукты этого

псевдотворчества. В условиях глобализации происходит экспансия не столько подлинного творчества, сколько превращенных его форм. Новый продукт творчества – новая информация на уровне особенного или всеобщего, в то время как новизна продукта спонтанной деятельности только на уровне единичного. Но этой уникальностью и неповторимостью характеризуются все природные явления и организмы. Произведения Ф. Достоевского, кроме индивидуальной уникальной формы, имеют еще выход на всеобщий уровень, по крайней мере нравственной и эстетической информации. Произведения же многих современных «детективщиков», хотя и написаны с различным уровнем мастерства, уровня информации всеобщего, да и особенного, как правило, не предполагают.

Следует отметить, что значительное замедление развития реальных прорывных технологий в мире связано с отделением материального от «постматериального» сектора, что наряду с отдельными тенденциями конвергенции духовного и материального производств формирует и обратные тенденции. В значительной мере это повлияло как на отток творческой интеллигенции из инженерных, технических специальностей, связанных с реальным сектором, так и на общее ухудшение благосостояния трудящихся и в развитых странах. Здесь необходимо уточнить, что и тенденции конвергенции духовного и материального производств осуществляются неоднозначно. В случае взаимодействия свободных форм духовного производства с материальным происходит реальное улучшение потребительной стоимости продукта, более того, зачастую создается продукт, являющийся одновременно как продуктом материального, так и духовного производства. В случае взаимодействия превращенных форм духовного производства с материальным происходит дематериализация и виртуализация стоимости продуктов, через систему двойных отчуждений (Л. Булавка), ухудшение качества.

Естественно, что отчуждения в процессе труда, проанализированные К. Марксом, действительно существуют и сохраняют свою актуальность, но возникают и иные серьезные

проблемы, новые постмодернистские системы отчуждений. И это не только отчуждение труда от капитала и капитала от труда. Часть системы отчуждений – самоотчуждений в сфере духовного производства и всей сферы социально-трудовых отношений связана с распространением сетевых структур, которые имеют позитивное и негативное социальное измерение. О первом варианте написано очень много – это и гибкий рабочий график, и расширение границ свободного времени, и более демократические формы организации. Однако при сетевых структурах подобный вариант осуществляется в случае ее самоорганизации независимыми субъектами и осуществления ею деятельности гуманного, социального характера. В случае, если деятельность осуществляется в сфере превращенных форм духовного производства, инициированная капиталом, то ко всем видам отчуждения и самоотчуждения в труде, описанных К. Марксом, добавляется отчуждение через масштабное наступление на свободное время. Во-первых, только по внешнему признаку подобная организация более демократична, а по сути, еще более тотальна, чем классическая иерархическая структура (в ней, по крайней мере, была четкая граница между свободным и рабочим временем). Во-вторых, в такой структуре, вследствие стирания границы между рабочим и свободным временем, формируется превращенная форма свободного времени, в которой осуществляется не развитие целостного человека, а форматирование его по параметрам заданным капиталом, притом не только в производственном процессе непосредственно, но и за его пределами. Выбор в скрытой или явной форме все чаще осуществляется за человека. Детектор лжи, видеонаблюдение на рабочем месте, обязательные тренинги, деформирующие психику, – далеко не полный перечень новых отчуждений. Формы отчуждений и самоотчуждений в сфере социально-трудовых отношений и духовного производства подробно рассмотрены в нашей статье [8].

Очень сложные и неоднозначные и противоречивые тенденции наблюдаются в сфере

социально-трудовых отношений в условиях глобализации. Обусловлено это тем, что глобализация выступает в значительной мере катализатором существующих социально-экономических противоречий и тенденций. Расширение возможностей одних индивидов и социальных групп сочетается со значительным сужением возможностей у других. Данная ситуация усугубляется существующим порядком монополярного глобализма. Для изменения ситуации необходимо начать с адекватного социально-экономического анализа, с соответственного различения многих внешне схожих понятий, но, являющихся по своей внутренней структуре диаметрально противоположными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектика материального и духовного производства в экономике знаний / под. общ. ред. А. И. Татаркина, В. И. Ефименкова. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН : ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. – 295 с.
2. Ким М. Н. Средний класс в постсоветском обществе: социально-экономические критерии, структура, условия формирования : монография / М. Н. Ким, А. А. Ким. – Х. : Точка, 2012. – 193 с.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
4. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин // Россия и мир: итоги XX века. – 2000. – № 1. – С. 188.
5. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа / Сергей Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2007. – 704 с.
6. Толстых А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности / А. В. Толстых / Вступительная статья Ф. Т. Михайлова. – С.Пб. : Алетейя, 2000. – 288 с.
7. Иноземцев В. Расколота цивилизация : науч. изд. – М. : Academia : Наука, 1999. – 724 с.
8. Броницкая В. В. Противоречия, цели, субъекты и последствия инноваций / Броницкая В. В. // Вісник НУ «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Економічна теорія та право. – 2012. – № 2 (9). – С. 61–73.